

УДК 882 Газданов–32.08

МОТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПОВЕСТВОВАНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ГАЙТО ГАЗДАНОВА (РАССКАЗ «ГАВАЙСКИЕ ГИТАРЫ»)

К. А. Кадырова

Дагестанский государственный университет

В статье освещаются основные мотивы в произведениях представителя русского Зарубежья Гайто Газданова на материале рассказа «Гавайские гитары» (1930). Отмечена близость творческой манеры Газданова эстетике экзистенциализма. Все события у писателя даны через призму авторского восприятия. В качестве основных названы мотив смерти, памяти, сна и др. Музыка становится лейтмотивом, который пронизывает все повествование и объединяет его в единое целое. Действительность представлена в произведениях Газданова не столько как объект постижения, сколько как полноправный субъект, участник диалога.

The article deals with the basic motifs in the works of the representative of the Russian-language literature abroad Gaito Gazdanov on the basis of the "Hawaiian guitar" story (1930). It is noted that Gazdanov's style resembles with existentialism poetics. All the events in the works are given in the light of the author's perception. The basic motifs are: death, memory, dream, etc. Music becomes a motif which runs through the whole narration and unites it in a single whole. The author does not present reality as an object for study, but as a full right subject, a party to a dialog.

Ключевые слова: мотив; лейтмотив; экзистенциальная поэтика; музыка; память; смерть; небытие; ассоциативно-образное мышление.

Keyword: motif; existentialism poetics; music; memory; death; oblivion.

Писатель Гайто Газданов – один из лучших представителей первой волны русской эмиграции. Он автор 9 романов, 40 рассказов, однако имя этого писателя в России долгое время было неизвестно. Творчество его только в последние годы нашло путь на родину. И хотя большинство исследователей считают Газданова писателем странным, до сих пор «неразгаданным», но по уровню таланта и художественного мастерства его сравнивают с И. Буниным и В. Набоковым. «Немного найдется сейчас русских писателей, не только среди молодых, но и среди старших, которые наделены были бы такой свежестью восприятия, такой способностью чувствовать и отражать в слове краски, запахи и звуки, всю «влажную дивную ткань бытия», – писал Г. Адамович [1]. Именно русским писателем и ощущал себя Газданов, несмотря на свои осетинские корни.

Литературная критика эмиграции нарекла Гайто Газданова «русским Прустом», выделяя его как наиболее удачный пример интеграции в европейскую культуру. Его сравнивали с западноевропейскими экзистенциалистами, например, с А. Камю [2].

Как и все писатели младшего поколения русской эмиграции, Газданов совмещает в своем творчестве русскую и европейскую литературную и философскую традицию. Например,

М. Слоним писал в 1930 г.: «Газданов несомненно находится под очарованием французской литературы. ... Его прельщает ее легкость, лоск, изящество... Ритм его фразы напоминает французские романы» [3].

Многие, если не все, произведения писателя являются автобиографическими, но документального изложения событий в его прозе нет. Это особый вид автобиографии, в чем Газданов, пожалуй, близок Бунину (роман «Жизнь Арсеньева»). В психологии его персонажей отражаются особенности мировосприятия самого автора, т.е. речь идет об автобиографизме ощущений и идей. Мировоззрение героев Газданова – творческое переложение восприятия действительности самим автором. «Мне кажется, что искусство становится настоящим тогда, когда ему удастся передать ряд эмоциональных колебаний, которые составляют историю человеческой жизни и по богатству которых определяется в каждом отдельном случае большая или меньшая индивидуальность. Область логических выводов, детская игра разума, слепая прямота рассуждения,

---

окаменелость раз навсегда принятых правил – исчезают, как только начинают действовать силы иного, психического порядка – или беспорядка – вещей», – говорил Газданов в ноябре 1928 г. на одном из собраний «Кочевья» [4, с. 82].

Рассказ «Гавайские гитары» (1930) тоже автобиографичен. Сюжетом его является описание болезни, смерть и похорон сестры, но образы действующих лиц в рассказе художественно преображены. Повествование ведется от первого лица. Лирический герой Газданова в «Гавайских гитарах», в отличие от Николая Соседова в самом известном романе писателя «Вечер у Клэр», безмянен. Все описываемые в рассказе события, предметы, явления, персонажи даны сквозь призму восприятия, через ощущения наблюдателя или «созерцателя». Таким образом, они приобретают условно-символическое значение. Все явления и предметы переосмысливаются благодаря законам ассоциативно-образного мышления автора. Это и является основным стилеобразующим принципом.

Позиция автора неоднозначна и имеет сложную многоуровневую структуру. В «Повести о трех неудачах» сам Газданов пишет о ней так: «Я обладаю тройным зрением: горизонтальная плоскость минутной протяженности, высокая вертикаль времени и острый угол, образованный временем и линией дальности» [5]. Осью, вокруг которой объединяются три яруса, оказывается, как отмечал Н. Оцуп, «душа автора, память его» [6].

Любой художественный текст является сложным переплетением мотивов: «...в роли мотива может выступать любой феномен, любое смысловое "пятно", – событие, черта характера, элемент ландшафта, любой предмет, произнесенное слово, краска, звук и т.д.», – отмечал Б. Гаспаров [7].

Выделим основные мотивы рассказа. Очень важным является мотив сна. Сон сам по себе символичен и близок по структуре мифу (Фрейд отмечал «демоническую» природу сна, сближающую ее с мифом» [8]). Газданов уже в начале рассказа пишет: «Все вокруг казалось мне погруженным в глубокий сон... Это было чисто физическое томление, заставляющее меня чувствовать тяжесть сна всюду, где останавливался мой взгляд...» [9, с. 129–130].

Возникает ощущение нереальной действительности, что характерно для символизма. Поток «мыслей, впечатлений и ощущений» героя-наблюдателя (того, кто видит сны) возникает в его памяти как «ряд теней, отраженных в смутном и жидком зеркале позднего воображения». Герой засыпает и находит «какую-то несомненную зависимость» между сном и явью.

Мотив смерти. Еще Л. Диенеш отмечал, что газдановские романы и рассказы почти всегда о смерти, и некоторые из них являются исследованием смерти и того, как это отражается на человеческой психике. Здесь, как и в другом рассказе Газданова – «Панихида», сюжет, связанный со смертью, является основой внешнего элегического действия.

Мотив болезни сестры в «Гавайских гитарах» вводится у Газданова короткой фразой, в которой чувствуется трагическая неизбежность: «В то время сестра моя была тяжело больна, и никакой надежды на ее выздоровление не оставалось» [9, с. 131]. Болезнь связана с соединением в человеке в этом состоянии жизни и смерти. Смерть – точка соприкосновения двух миров.

Как и у Толстого, предчувствие скорой смерти каждый раз побуждает героев Газданова переоценивать все прожитое ими ранее, разделять истинное и ложное, суетное и вечное. Как и Толстой, Газданов показал изменения, которые происходят с человеком перед лицом смерти. «Глаза ее приобрели необыкновенную выразительность, и мне было страшно и стыдно в них смотреть, так как я видел, что она понимала, что умрет...» [9, с. 131].

Способом характеристики персонажей является традиционно их круг чтения. В квартире у странной женщины, где оказался главный герой со своим шурином после похорон сестры, в шкафу мы видим «книги Бодлера, Гюисманса, Эдгара По, Гофмана и том петербургских рассказов Гоголя в роскошном издании» [9, с. 142]. Перечисление этих имен еще раз подчеркивает, что лейтмотивом рассказа является смерть и размышления о ней.

В «Гавайских гитарах» граница между двумя мирами болезненно ощутима (отсюда, возможно, необходимость мотива самой болезни), она пронизывает все повествование и даже находит воплощение в художественном образе: «Мне очень запомнились эта неподвижная группа людей и глиняные стены ямы с выступающими длинными корнями, которые вдруг показались мне жуткими и незнакомыми, как флора неизвестной страны, – потому что, думал я, теперь все, чем жила моя

сестра, она оставила для того, чтобы быть зарытой тут и окруженной этими корнями, которые здесь также нужны и естественны, как стволы и листья наверху, на земле, где она жила до сих пор и где мы еще жили сегодня» [9, с. 139]. Герой внутренне протестует против несправедливости и неотвратимости смерти, которая лишает смысла саму жизнь.

Следующий мотив – это мотив памяти. Память у Газданова – это синтез конкретного и общего, сиюминутного и вечного. Писатель-психолог Газданов дает нам поток воспоминаний героя. В памяти остаются не сами события, а ассоциации, звуки, запахи: «Спустя несколько лет я забыл и перепутал в жизни многое, что происходило в ту пору моей жизни. Но эти колебания воздуха теперь заключены для меня в прозрачную коробку, непостижимым образом сделанную из нескольких событий, которые начались той ночью, когда я впервые услышал гавайские гитары...» [9, с. 144].

Еще одним важным мотивом является мотив музыки, что заявлено уже в заглавии.

«Я уже находил несомненную зависимость между щелкнувшей пружиной и вчерашним разговором – как вдруг комната наполнилась протяжными вибрирующими звуками, соединение которых мгновенно залило мое воображение...» [9, с. 130].

Гавайская гитара – разновидность гитары, имеющая шесть струн, под которыми натянута кожа. Гавайская гитара издает мягкий, чуть гнусавый звук. Упоминание инструмента исполняемого музыкального произведения является и приемом психологической характеристики персонажа. Герой находится в сомнамбулическом состоянии во время похорон. Это созвучно мотивам гитары. «Гавайская гитара» – очень яркая метонимия автора. Ассоциативная связь между музыкой и небытием является здесь основной.

«Мелодичность», «музыкальность» является отличительной особенностью рассказа Газданова, лейтмотивом, пронизывающим все повествование и объединяющим его в единое целое, формирующим литературный сюжет. Композиция кольцевая: в начале и в конце мы слышим, почти явственно, звук гитар. «Плачущее волнение металлического трепета в воздухе охватило меня», – передает герой свои ощущения [10].

Отличительной особенностью ранних произведений Газданова является то, что автор только ставит вопрос о смысле жизни, но не ищет на него ответа. Л. Диенеш считает, что именно в этом заключается особая философия Газданова: «...именно в вопросах, а не в ответах или решениях, которых он вообще не предлагает, полагая, что их нет, исходя при этом из уверенности, что окончательных и исчерпывающих ответов ввиду абсурдности самой жизни быть и не может» [11, с. 19].

В финале рассказа писатель проводит связь между воспоминанием, звуками и образами действительности: «...То, что мы видим, это воображение, а воображение – это музыка и звуки, – хотя это и кажется невероятным» [9, с. 143].

Излюбленным приемом писателя является следующий: автор передает впечатление или переживание героя через перечисление деталей, которые влекут за собой цепочку определенных ассоциаций и воспоминаний. Пример тому – финал рассказа «Гавайские гитары»: «Я не раз вспоминал это: яма, туман, странное мясо за обедом, шампанское, статуэтки из черного дерева – и еще постоянная ноющая боль в ногах от слишком узких туфель, которые потом я отдал починять сапожнику и так их и оставил у него: отчасти потому, что мне действительно было нечем заплатить ему, отчасти потому, что их, пожалуй, не стоило брать» [9, с. 144].

Если сравнивать поэтику писателя с экзистенциальной поэтикой потока ассоциаций, тогда это особые слова-«сигналы», за которыми стоит целый мир чувств и мыслей лирического героя, которые сопровождают переживание за сестру, ощущения от ее похорон и последовавшего за ними вечера. Герой-наблюдатель и повествователь словно хочет запомнить и запечатлеть в душе каждое мимолетное ощущение, мельчайшие оттенки этих ощущений, так или иначе связанные с близким и родным человеком. Почти все, о чем повествует Газданов, как бы создается заново в памяти его героя. Но в отличие от поэтики М. Пруста

поток ассоциаций направлен здесь не на гносеологические «поиски утраченного времени» и не на запечатление «ежеминутно меняющейся материи жизни».

Все детали, неожиданно всплывающие из авторского сознания образы соединяются в одно нерасчленимое целое. Все события нашей жизни – проекция чего-то невыразимого в словах, но осязаемого в глубине нашего сознания и нашей памяти.

Переменчивая, нереальная, хрупкая действительность становится в прозе Газданова не только объектом постижения, но и равноправным субъектом, с которым герой и автор вступают в диалог. Воспоминание является отражением особого, трепетного отношения к окружающему миру, которое можно сравнить с отношением любящего к оставшимся у него вещам любимого человека: каждая из которых помогает воссозданию облика любимого человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Современное русское зарубежье. М.: Олимп, 1998. 528 с.
2. Семенова С. Экзистенциальное сознание в прозе русского Зарубежья (Гайто Газданов и Борис Поплавский) // *Вопр. литературы*. 2000. Май – июнь. С. 67–106.
3. Слоним М. Литературный дневник. Два Маяковских. Роман Газданова // *Воля России*. 1930. Кн. 5/6. С. 456.
4. Газданов Г. Заметки об Эдгаре По, Гоголе и Мопассане // *Лит. обозрение*. 1994. № 9/10. С. 79–84.
5. Газданов Г.И. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. М., 1999. С. 26.
6. Там же. Т. 1. С. 670.
7. Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М., 1993. С. 30.
8. Тихонов И.А. *Формы и функции фантастики в русской прозе начала XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 1994. С. 11.*
9. Гайто Газданов. «Гавайские гитары» // *Современное русское зарубежье*. М.: Олимп, 1998. 528 с.
10. Газданов Г. Собр. соч.: в 3 т. Т. 2.
11. Диенеш Л. Гайто Газданов. Жизнь и творчество. Владикавказ, 1995. 304 с.

*Поступила в редакцию 10.09.2012 г.
Принята к печати 18.12.2013 г.*